

ЖИЛ ДА БЫЛ ОДИН КОРОЛЬ

Юбилей мастера трагедии и фарса

Сегодня ему исполнилось бы 75, и нет сомнений, что торжества в честь юбилара носили бы грандиозный характер. Он того стоил — блестящий артист божьей милостью. Король трагедии и фарса, уникальным образом сливающийся на экране и сцене. Евгений Евстигнеев был неповторим и, похоже, таким останется.

У короля была абсолютно некорольская инешность — лысый, долговязый, смешной. Он даже в чем-то соответствовал фамилии своего знаменитого экранного персонажа — директора пионерского лагеря товарища Дынина. Но он был Евстигнеев, талант которого так и останется такой же непостижимой тайной, как звезда — близкая, но прикоснуться к ней невозможно.

У Жени была природная сила таланта, которая становилась импульсом и даже продолжением его таланта жизненного, — вспоминает Галина Волчек, первая жена Евгения Евстигнеева. — Я подарила ему кинокамеру. Я вообще любила ему, лишенному детства, дарить "игрушки". На первый свой гонорар купила фотоаппарат, простенькую кинокамеру.

С этим подарком супруги поехали на дачу к знакомым. Сначала Евстигнеев снимал Волчек, которая была чуть ли не на последнем месяце беременности, и она старательно перед камерой изображала, как нюхает цветы, прячется за деревья.

— Я старалась, как плохая артистка. Потом Жень сказал: "Ну а теперь ты меня снимай". И вот он встал, я приготовилась, смотрю в камеру и жду — вот он начнет изображать то же, что и я. И он начал как бы гонять комаров. Через две секунды я начала хохотать до истерики. Чаплин был ребен-

ком. Он такое вытворял с этими комарами: то их полчища вокруг, то он заигрывает с одним и просит его улететь, то уничтожает. Я просто умирала, камера дрожала и кадр был загублен.

— С юмором все было нормально?

— Не то слово. У него был юмор, рожденный его талантом, данным от природы.

— А еще репутация артиста, которого нельзя расколоть на сцене.

— Один раз Табаков попытался. В спектакле "Продолжение легенды" он взял много вазелина в руку и протянул Евстигнееву, думая, что тот сейчас умрет от смеха.

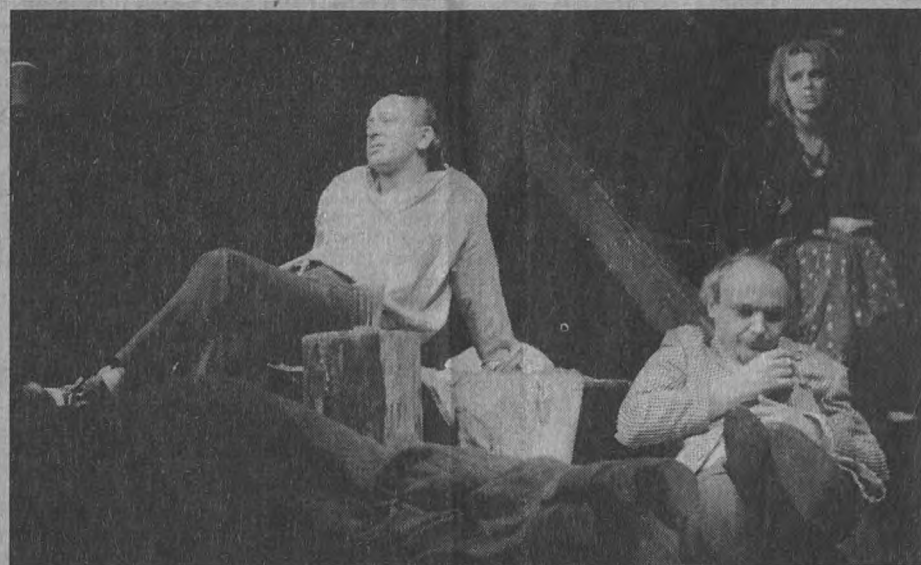
Не тут-то было. Евстигнеев спокойно вытер вазелин о штаны и продолжал монолог. На этом дело не кончилось, и на следующем спектакле он расставил сети для Табакова. Тот играл такого идейного борца, который страдал по несуществующей героине Юна. Он стоял на холме, вокруг лежали и сидели артисты, а идейный Табаков вздыхает по ней, вспоминает. И вот Евстигнеев, он не был занят в одной мизансцене, напаяли на себя божественный нимб из другого спектакля и, стоя в кулисах, шипел Табакову: "Я Юна, я Юна". Все, что был на холме, давились хохотом, но им везло больше, чем Табакову, который на виду у зрителей вынужден был подавлять приступы смеха.

Как вспоминают многие режиссеры, с Евстигнеевым легко работалось. Он был из тех артистов, кто ловил на лету режиссерскую мысль и развивал ее настолько виртуозно, что никакому мастеру такое бы в голову не пришло. Так было в работе над спектаклем "На дне", где Евгений Евстигнеев сыграл, может быть, одну из трех своих вершинных ролей — Сатина. Галина Волчек, репетировавшая с ним, предложила пафосный монолог Горького о работе, которая должна быть в радость.

— Объясняю ему, как он произносит слова и надевает пальто, какая у него при этом пластика. Он в шляпе, примятый, в парусиновых ботинках, грязных, с вырванными шнурками. "Закройся, — говорю ему, — чем-то таким бытовым, одеванием пальто, поправляя шляпу, закидывая рваный шарф". Начинаем репетицию. Он делает все точно, как я просила: застегивает узкое пальто, эффектно приминает шляпу, зад отключивает... А потом берет щетку у кого-то из реквизита и под конец этого текста чистит свои парусиновые ботинки. В пластике делает что-то невероятное. Вот это — Евстигнеев.

А еще он — знаменитый профессор Плейшнер с нелепой хромающей и как будто бы заваливающейся вбок, как Лизанская башня, походкой. Он — мудрый и ироничный профессор Преображенский из "Собачьего сердца". Суетливый и трогательный энтузиаст Мячиков из "Стариков-разбойников". В этом фильме вместе с Евстигнеевым играла Ольга Аросева.

— Вообще мы с Женей не так чтобы близко были знакомы — все-таки в разных театрах, — рассказывает Ольга Александровна. — Единственное, где мы общались, это киносъемки. А снимались мы с ним в нескольких фильмах, большей частью у Рязанова. И вот здесь постоянно попадали в экстремальные ситуации. Помню, как мы не могли улететь во Львов, где снималась заключительная сцена "Стариков-разбойников". Помните

— я, Никулин и Евстигнеев уходим вдаль, а с неба падает снег... Так вот, этот снег никак не мог пойти. А снимать Рязанов хотел только в сумерках — то есть либо рано утром, либо вечером. У всех уже сезоны открылись в театре, жесткое расписание, собрать всех вместе очень трудно. Сколько было попыток снять этот последний эпизод фильма — невозможно подсчитать. Один раз, в очередную попытку вылететь из "Внуково", помню, как мы просидели целую ночь в предбаннике у начальника аэропорта (там тогда никакого VIP не было), вылет наш задерживался, и Евстигнеев спал на подоконнике. Он мог вообще заснуть где угодно. И вот тогда помню, мы что-то там мирно обсуждаем, а спящий Евстигнеев время от времени нам выдает спросонья: "Уже летим? Кто сказал "бу-тылка"?..". Было очень смешно.

И как раз в этот прилет нам повезло: во Львове шел снег, именно такой, какой нужен. В общем, все замечательно. Сцена снимается буквально за полчаса, и в шесть утра мы уже свобод-

ны. Сразу такое глупое ощущение появилось: как же так — столько мучений, и вдруг раз, и все закончилось. Последний кадр снят, и, естественно, это дело надо было отметить. А где? Время на часах — начало седьмого! И вот идем в нашу гостиницу, разбудили обезумевших сторожей: "Мы голодные, холодные, всю ночь в аэропорту просидели, только что отсыпались — короче, делайте что хотите, вы должны нас накормить". И вот этого я никогда не забуду. Еще безлюдный город, где-то полседьмого утра, пустой ресторан — только мы троим, Рязанов и наша съемочная группа. Сидим, выпиваем, и тут Жень садится на эстраде за барабаны и тихонечко так начинает наступивать "Рио-Риту". А мы под его аккомпанемент танцуем. Это было что-то необыкновенное.

А один раз мы поехали снимать эпизод "Необыкновенных приключений итальянцев в России" в Италию. Причем самое смешное, что там, в Риме, снимали интерьер... московской квартиры. Везем с собой все ложки, плошки — в общем, всю нашу родную утварь. Я играю маму Андриуси Миронова, Евстигнеев — итальянец в инвалидной коляске. И вот почти три недели мы жили в Риме, в шикарном отеле, и, конечно, общались с Женей уже тесно. Две недели были съемки, а еще одну нам подарила... холера. Какая-то эпидемия была где-то, и нас не выпускали из Италии. Знаете, он был абсолютно немеркантильный человек. Бывало, все бегут по магазинам, а он только остановится возле витрины и ворчит про себя: "Куда ж столько мяса выставили! Оно же испортится". Вообще он был вроде бы и компанейский человек, но очень неразговорчивый. Не любил трепаться, никогда не говорил громко. Да в общем и на артиста-то совсем не был похож. У нас же была уже анекдотическая история, как нас — Евстигнеева, Никулина, Миронова и меня — не пустил в ресторан швейцар. Идите, говорит, алкаши, откуда... Но мы тогда и в соответствующих костюмах были. А вот Женю и по жизни в толпе никогда не узнавали. Такой был всегда неприметный. А вот видите, какой актер! Штучный — такого нет и не будет.

Сегодня на новой сцене МХАТа, открытой в этом сезоне, состоится вечер памяти замечательного артиста.

Марина РАЙКИНА, Марина ОВЦОВА.
На фото сцены из спектаклей
"На дне" и "Голый король".
Фотографии предоставлены
театром "Современник".